

ЗВЕЗДА

1134
5

1942
№3-6

1917 -
- 1942

3-4

ОГИЗ • ГОСЛИТИЗДАТ • ЛЕНИНГРАД

ского Алатау, пробирался по глухим горным тропам Северного Ирана. Он изучал растительность пустынь — своеобразные жесткие деревца и травы, хорошо переносящие и дневной зной и прохладу ночей. Выносливость этих обитателей песков поражала ученого. Знакомясь с условиями растительной жизни в безводных краях, он намечал пути для озеленения пустынных степных районов нашей родины. Он составил проекты парков для Балхаша, для других городов, выросших в Казахстане и Средней Азии. Год назад он начал книгу, которая подводит итог многолетнего труда, писал ее зимой — у буржуйки, рядом со своими зелеными жильцами. Теперь книга закончена. Профессор знает — мечта, заложенная в ней, будет осуществлена. Не только его мечта. Станут явью легенды, которые слышал профессор и в юртах казахов, и в глинобитных домах айсоворов — легенды о конце пустыни, о волшебнике, который превратит пустыню в цветущий сад. Имя этого волшебника — наука.

Озеленение пустынь — лишь часть огромного дела преобразования природы, начатого в России Мичуриным, в Америке Лютером Бербанком, продолженное у нас академиком Лысенко и его друзьями в институтах, совхозах, в колхозных селах.

Этим делом еще энергичнее займется человечество, когда одолеет покрытый кровью перевал войны, вымоет руки после расправы с фашистской нечистью и выйдет на просторы свободного и мирного созидания. Исторгая жизнь из песка и камня, выводя плоды юга под Ленинградом, насаждая овощи за Полярным кругом и фрукты в холодной Сибири, люди будут горячо благодарить советских ботаников, которые, подобно своим вечнозеленым питомцам, не знают увядания, не теряют бодрости, которые в дни самых жестоких испытаний не изменили своей науке, а несли ее вперед, как знамя, в самую гущу схватки, на встречу пороку и славе.

ЧУДЕСНАЯ СТАРОСТЬ

Разные бывают старики. Есть старики, не знающие дряхлости в самые преклонные годы, старики, надсмеявшиеся над старостью с ее слабостями и недугами,

оставшиеся юношами в работе, в мыслях, в смелом сердце.

Одного из таких стариков хорошо знают многие ленинградцы, а прежде всего — сотрудники и посетители Публичной библиотеки имени Салтыковского-Щедрина.

Завидев сухонькую сгорбленную фигурку, люди, находящиеся в читальном зале или в газетном отделе, люди, стоящие у выдвижных ящиков карточного каталога или поднимающиеся по лестничным переходам к стеллажам, говорят с улыбкой:

— Наш старичок.

— Наш Иван Афанасьевич идет.

Вот показывается в зале быстрая маленькая фигурка Ивана Афанасьевича. Временами он останавливается, с тем чтобы расспросить какую-нибудь новенькую молодую сотрудницу о ее житейском бытии. Сотрудница опускает на перила тяжелую пачку книг и переводит дух.

— С ног сбилась, — говорит она.

— Что так?

— Приехал один командир с фронта. Подал требование на пяти страницах. И срочное.

— Так, так. А известно ли вам, милый товарищ?.. Извините, ваше имя и отчество? Библиотека наша всегда была в дружбе с полководцами. В большой дружбе. Еще Суворов в тысяча семьсот девяносто пятом году доставил с казачьим обозом в Петербург книги — трофейные книги, доставшиеся в сражениях. От них, так сказать, и пошло расти наше книжное собрание.

От слов Ивана Афанасьевича, от улыбки его веет такой ласковой и ободряющей силой, что и кипа книг кажется теперь легче и ноги как будто не так устали. Девушка еще проворнее носится от одного стеллажа к другому, карабкается, выполняя требование, привезенное с фронта. А Иван Афанасьевич Бычков идет дальше по анфиладе шкафов вдоль плотного, бесконечного строя книг. Торжественный сумрак царит в этих помещениях, где самые потолки и полы напоминают по цвету старинный кожаный переплет, где высокие стеллажи образуют узкие, извилистые теснины. Но Иван Афанасьевич мог бы пройти здесь хоть ночью, хоть с закрытыми глазами. Еще бы! Он, прошедший или, вернее, проживший в Публичной библиотеке шестьдесят пять лет, знает каждый за-

жоулок ее, каждый корешок, проглядывающий сквозь стекло, каждый свиток, запертый в футляре, каждую папку с манускриптами. Манускрипты? Ведь они почти все прошли через бессменного заведующего отделом рукописей, хранителя несметных культурных сокровищ — руки. Здесь, в зале со статуей Нестора-летописца посередине, он принимал рукописи, датировал, изучал. Невозможно перечислить эти богатства. Египетские папирусы трехтысячелетней давности, древние индийские документы на пальмовых листьях. Документы на глиняных табличках, на коже, на шелку, на пластинках, вырезанных из ствола кигаевского растения тао. Тисненые золотом кодексы Рима и Византии. Поэма «Шахнамэ» — создание иранского поэта Фирдуси. Стихи английской королевы Марии Стюарт, написанные перед казнью на полях молитвенника. Столбцы русской летописи. Бумаги Петра Первого, Суворова, Кутузова. Бесценные памятники творчества величайших гениев литературы, науки.

Мы назвали Ивана Афанасьевича хранителем рукописных фондов. Придется попросить у него прощения. Он не терпит этого слова. Как-то в начале войны Ивану Афанасьевичу предложили уехать из Ленинграда вместе с наиболее важным имуществом фонда. При этом сказали, что документы будут помещены на консервацию, вдали от фронта. Старик обидчиво переспросил:

— На консервацию?

— Да.

— Выходит, и меня на консервацию? Хранителем? На должность архивной крысы определяете? Нет, увольте-с.

Иван Афанасьевич заявил, что остается. Он хочет работать. А работать — это не только охранять манускрипты. Это не только продолжать многотомное исследование архива Петра Первого — исследование, начатое несколько лет назад. Работать в отделе манускриптов — это значит вручать рукописи читателям, питать древними, высохшими свитками вечно юную, всегда ищущую творческую мысль, служить народу. Так понимает Иван Афанасьевич свое призвание. Правда, читателей во время войны стало меньше, но зато выросла новая задача — спасать рукописные памятники, которым угрожает враг, отстаивать культурное

достояние Ленинграда от гитлеровских вандалов.

Злобный враг обстреливает город. На улицах, в жилищах мирных людей рвутся фашистские снаряды. Нередко Иван Афанасьевич, идя в библиотеку, слышит вой этих бандитских снарядов. Он шагает дальше. Он никогда не опаздывает. Придет, поставит в угол тросточку, спросит:

— Что нового?

— На Моховой есть письма Глинки, — сообщает сотрудница. — Хозяева уехали. Поручили продать соседям.

— Вы там были?

— Была.

— Вы уверены, что там подлинники? — строго допытывается архивист. — Образец захватили?

— Вот он.

Старик берет листок.

— Как будто Глинка, — говорит он.

Память его изумительна. Он держит в ней сотни почерков, тысячи исторических имен и дат. Ничто не нарушает ясности его памяти, аккуратности. Не доверяя себе, он обращается к справочнику, достает автографы великого русского композитора и патриота, творца оперы «Иван Сусанин», и кропотливо часами сличает.

Письмо подлинное. Надо немедленно приобрести архив. Сотрудница говорит, что он на шестом этаже, что бумаг там очень много.

Старик отвечает:

— Устали? Я сам буду таскать.

Есть что-то поднимающее силы в его голосе, во всем облике, и сотрудница, забыв об усталости, спешит на Моховую. Много таких походов совершили и другие помощники Ивана Афанасьевича. Зимой они коченеющими пальцами рылись в холодных, как ледники, шкафах, носили рукописи и книги из квартир с выбитыми окнами, из темных чуланов. В итоге выполнено дело огромного значения. Спасены десятки архивов библиотек. В Публичную библиотеку поступило замечательное собрание книг документов пушкиниста Лернера — дающий вклад в дело изучения Пушкина и его эпохи. Здесь приобретен недавно документы и рисунки декабриста Ивашева, архив историка Ларионова с интереснейшими материалами о флоте русского Военно-Морского флота. Известные до сих пор письма Репина

Лермонтова, письма Чернышевского и вместе с ними — букет цветов, собранных им в ссылке в далеком Вилуйске и присланных петербургским друзьям. И когда на документы, постушившие в отдел, является читательский спрос, — это большая радость для Ивана Афанасьевича. Он — не хранитель архивов, отнюдь нет. Старый библиотечный деятель считает себя красноармейцем на фронте отечественной войны, на передовых позициях советской культуры.

Часто, очень часто библиотека получает военные заказы. Ведь и книга состоит на вооружении Красной Армии. Однажды зимой у подъезда остановилась белая машина, из нее вышел комиссар. Он коротко изложил причину посещения: бойцам надо дать представление о богатствах Ленинграда. Бойцы должны знать, какой прекрасный город они защищают. Для этого решено устроить в блиндаже выставку. Нужны книги о Ленинграде, правюры. Заказ коснулся и рукописного отдела. Десятки сотрудников принялись за работу, в том числе Иван Афанасьевич. С фонарями в руках поднимались по обледенелым лестницам, приводили в движение смерзшиеся шеренги томов. В обычное время такой заказ занял бы две недели.

К утру все было готово.

Ни на один день не прекращала работу Публичная библиотека. За одно только первое полугодие войны она выдала читателям двести двадцать восемь тысяч книг и рукописей, дала двадцать две тысячи справок. В подавляющей своей части это работа оборонная, так как нужны теперь книги, обучающие искусству слепого полета, рассказывающие об устройстве убежищ, о скоростном ремонте железнодорожных путей, о достижениях военной техники у нас и за рубежом. Со списка книг, составленного библиографом в Публичной библиотеке, началось производство многих видов оружия и боеприпасов, освоение новых методов строительных работ, новых продуктов питания, как казеин и соевое молоко. Множество проблем, выдвигаемых фронтом, нуждалось в участии Публичной библиотеки. Она стала неотъемлемым звеном в обороне нашего города. Герой библиотеки, ее душа, — чудесный старик Иван Афанасьевич Бычков. — Наш старик, наш Иван Афанасьевич! — любовью говорят о нем сотрудники-

коллеги, когда он идет по анфиладе стеллажей к себе в отдел манускриптов, в зал, где стоит изваяние Нестора-летописца. Тихо в зале. Глухо доносятся сюда отзвуки артиллерийской перестрелки, гремящей на подступах к городу. Седой хозяин зала как всегда спокоен и бодр. Он знает — сюда, в этот зал, где работали Ключевский и Соловьев, где академик Тарле писал свою книгу о борьбе с Наполеоном, скоро опять придут историки. Он — Иван Афанасьевич Бычков хочет вручить им совсем новые документы — документы о славной обороне Ленинграда, материалы для волнующих книг о великой битве с фашизмом, о торжестве свободы и прогресса над мракобесием и рабством...

К этому торжеству, как боец в колонне бойцов, решил притти седой сторбленный человек с молодым, горячим сердцем патриота.

КЛЯТВА

Есть над речкой Ижоркой могильный холм. Июньское солнце, пробиваясь сквозь свежую хвою, льет на вершину его потоки золотого света. Цветет на холме душистая ромашка, синеют тонкие лепестки колокольчиков, а у подножья — ближе к воде — густо разрослась голубая чаща незабудок. Мимо них вдоль берега вьется тропа, прогоптанная теми, кто помнит Женю Стасюк.

А помнят ее многие. Кто в Колпине не слышал этого имени. Весь город гордится славной девушкой Женей Стасюк, отдавшей жизнь в бою с врагами. Она выросла здесь, на тихой окраинной улице, училась в средней школе. Невысокая, худощавая, застенчивая девушка неприметна была в шумной толпе старшеклассников. Застенчивость ее имела основание — Женя прихрамывала, одна нога у нее была короче другой. Много горьких переживаний доставил ей этот ее физический недостаток, много раз Женя просилась в действующую армию и получала отказ. Нельзя! Никак нельзя! Ей вежливо разъясняли, что в армии нужны вполне здоровые люди. Но она настаивала. Наконец девушку зачислили в часть. Она добилась разрешения идти вместе с частью, отправлявшейся в бой. В том бою погиб командир роты. Женя увидела, как упал он, подкошенный очередью из вражеского автомата,